
УДК 821.162.1-1.09 Міцкевич

Александр Федута
Европейский гуманитарный университет Вильнюс

ЭТЮДЫ О ТЕКСТАХ МИЦКЕВИЧА И ИХ ИНТЕРПРЕТАТОРАХ

В статье анализируется судьба перевода фрагмента из поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод», известного в русской переводческой традиции как «Вилия (Песня Альбана)», выполненного известным литератором первой трети XIX века и цензором Константином Сербиновичем, сохранившегося в рукописи и впервые публикуемого нами. Кроме того, указывается на совпадение образов в балладе Мицкевича «Свитязь» и стихотворении Максимилиана Волошина «Я – Вечный Жид».

Ключевые слова: Мицкевич, Сербинович, Волошин, поэтический перевод, польско-русские литературные связи, романтизм, «Конрад Валленрод», символизм.

Олександр Федута. Етюди про тексти Міцкевича та їхніх інтерпретаторів.

У статті аналізується доля перекладу фрагменту з поеми Адама Міцкевича «Конрад Валленрод», знаного в російській перекладацькій традиції як «Вілія (Пісня Альбана)», виконаного відомим літератором першої третини XIX століття і цензором Костянтинном Сербіновичем. Цей переклад зберігся в рукописі і публікується нами вперше. Крім того, у статті вказується на збіг образів в баладі Міцкевича «Світязь» і вірші Максимиліана Волошина «Я – Вічний Жид» .

Ключові слова: Міцкевич, Сербінович, Волошин, поетичний переклад, польсько - російські літературні зв'язки, романтизм, «Конрад Валленрод», символизм.

Aleksandr Feduta. Szkice o tekstach Mickiewicza i ich interpretatorach/

W artykule analizuje się los tłumaczenia fragmentu poematu A. Mickiewicza „Konrad Wallenrod” znanego w rosyjskiej tradycji translatorskiej jako „Wilia (Pieśń Albana)” zrobionego przez znanego literata i cenzora pierwszego trzydziestolecia wieku XIX Konstantina Serbinowicza. Tłumaczenie zachowało się w rękopisie i po raz pierwszy zostało opublikowane przez nas. Poza tym podkreślono zbieżność obrazów w balladzie A. Mickiewicza „Świtez” i w wierszu M.A. Wołoszyna „Jesten Wiecznym Żydem”.

Słowa kluczowe: Mickiewicz, Serbinowicz, Wołoszyn, tłumaczenie poetyckie, polsko-rosyjskie związki literackie, romantyzm, „Konrad Wallenrod”, symbolizm.

Feduta Alexander. The texts about Mytsekevych works and their interpreters.

The article examines the fate of the translation of a fragment from the poem of Adam Mickiewicz's "Konrad Wallenrod", known in Russian translation tradition as "Vilia (Alban Song)", the famous writer of the first third of the XIX century and censor Konstantin Serbinovich, preserved in the manuscript and first published by us. It also points to the coincidence of the images in Mickiewicz's ballad "Svityaz" and the poem by Maximilian Voloshin, "I am the Eternal Jew".

Key words: Mickiewicz, Serbinovich, Voloshin, poetic translation, Polish-Russian literary relations, romanticism, "Konrad Wallenrod", symbolism

Влияние конкретного автора на современников и потомков определяется тем эстетическим потенциалом, который заложен изначально в его текстах. Причем речь идет вовсе не обязательно о влиянии на носителей той языковой культуры, к которой принадлежит сам автор: Гомер, Данте, Шекспир, Байрон, Стендаль, Достоевский, Акутагава, Борхес перешагнули рамки собственно национальных литератур, их произведения стали достоянием всего мира.

То же можно сказать и об Адаме Мицкевиче. Великий польский поэт уже при жизни стал примером воздействия национальной поэзии – причем первым объектом воздействия стала культура страны, уничтожившей государственность его собственного народа. Как пишет современная исследовательница, уже во время высылки с родной Виленщины в так называемые «внутренние губернии» Мицкевич «становится важной частью живого литературного процесса в России. Русская литература осваивает его творчество не только на уровне переводов, но и на глубинном уровне влияния поэтики и эстетических концепций» [7, с. 5].

Разумеется, процесс восприятия творчества Мицкевича и его интерпретации русской литературой исследован достаточно полно, однако далеко не исчерпывающе. В данной публикации мы рассмотрим два случая, на которые исследователи до сих пор не обращали внимания. Содержанием первого «этюда» станет публикация неизвестного прижизненного перевода Мицкевича на русский язык, содержанием второго – скрытая цитата (цитата? совпадение?) из баллады Мицкевича в произведении выдающегося русского поэта «серебряного века».

І. Неизвестный подстрочник Константина Сербиновича

Выпускник Полоцкой иезуитской академии Константин Сербинович (1797—1874) хорошо известен историкам литературы и общественной мысли.

Сербиновича можно назвать референтом Николая Карамзина, готовившим выписки и переводы польских источников для «Истории государства Российского» (в том числе труды Юлиана Урсын Немцевича и Адама Станислава Нарушевича). При этом он был вхож в дом известного государственного деятеля и литератора Александра Шишкова, ведущего оппонента языковой реформы Карамзина, и стал одним из его душеприказчиков. При протекции близкого к Карамзину Дмитрия Блудова Сербинович был включен в состав Следственной комиссии по делу декабристов, что ускорило его карьеру: Сербинович стал влиятельным чиновником цензурного ведомства, директором канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, наконец, редактором «Журнала Министерства Народного Просвещения». В итоге скромный униат, ставший рьяным деятелем ликвидации униатства в Российской Империи, дослужился до чина тайного советника.

Вместе с тем Сербинович интересен не только карьерой, сделавшей его причастным к важным событиям в политической жизни Империи. Для нас гораздо более важны его литературные занятия. Сербинович, как известно, находился в центре литературной жизни Петербурга – в том числе, «польского Петербурга», принадлежа как выходец из земель Великого княжества Литовского к многочисленной колонии поляков и «литвинов», обосновавшихся в столице [см. об этом: 3].

Волею судьбы именно Сербинович стал первым переводчиком произведения Мицкевича на русский язык. Юбилейный библиографический справочник, посвященный рецепции творчества Мицкевича в русской печати, указывает лишь на один перевод, выполненный Сербиновичем, -- прозаический перевод баллады «Świtezka», опубликованный в сентябрьской книжке прибавления к газете «Русский инвалид» «Новости литературы» за 1825 г. [1, с. 168—173]. При этом, если следовать хронологии, отраженной в справочнике, данный перевод – первая публикация не названного пока по имени польского поэта на русском языке. И единственный опубликованный перевод Сербиновича из Мицкевича.

Однако это не означает, что «Свитязь» -- единственное произведение Мицкевича, которое Сербинович переводил на русский язык.

В архиве Сербиновича сохранился перевод (также выполненный им прозой; фактически – подстрочник) фрагмента получившей широкую известность среди российских литераторов поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» (1828), в котором современники уловили откровенный вызов идеологии имперских властей [см., например: 2]. «Валленрод» сделал имя ссыльного Мицкевича модным. Один из ведущих критиков эпохи, Николай Полевой, писал: «Грустно думать, что мы Русские, мы, которым ближе всех других народов Польский язык, по малоизвестности у нас сего богатого, прекрасного и родного нам языка, лишаемся наслаждения читать новое, превосходное произведение Польской Поэзии» [11, с. 436]. Неудивительно, что поэму начали активно переводить – как целиком, так и фрагментами – причем среди тех, кто пробовал переводить «Валленрода» оказался и Александр Пушкин.

Сербинович не претендовал на статус поэта. Для своих переводческих упражнений он избрал небольшой фрагмент из поэмы Мицкевича, известный как «Pieśń» -- песня, вложенная в уста старого члена рыцарско-монашеского ордена крестоносцев и их певца Альбана (Halban). В данном фрагменте не содержится ничего, что можно было бы связать с политикой: выдернутый из контекста, он действительно превращается в стихотворение о любви.

Мы впервые публикуем данный прозаический перевод, выполненный Сербиновичем, по оригиналу, хранящемуся в фонде Сербиновича в РГИА (РГИА, ф. 1661, оп. 1, д. 24, л. 1—1об)*. Орфография модифицирована нами, однако особенности лексики и употребления грамматических форм переводчиком сохранены.

Из поэмы Мицкевича Конрад Валленрод:

Песня.

Царица ручьев наших, Вилия, блещет золотым дном и голубыми струями; младая Литовка, черплющая воду ея, еще прелестнее жаром ланит своих и сердцем чистым.

* Мы благодарим Дмитрия Виноходова и Станислава Козлова-Струтинского (Санкт-Петербург) за предоставление нам электронной копии архивного документа, а также профессора Марию Прусак (Варшава) за ценные консультации.

Вилия течет в приятной долине Ковенской, между тюльпанов и нарциссов; у ног Литовки цвет наших юношей, прекраснее и роз, и тюльпанов.

Но Вилия, презирая цветы берегов своих, стремится к милому Немну; и Литовке грустно среди Литовцев: она любит юношу-иноземца.

Приняв любовницу в сильные объятия, Немен мчит ее с собою между скал и диких утесов, жмет к холодной перси своей – и оба гибнут в глубине моря;

И тебя, несчастная Литовка, и тебя удалит чужеземец от любезной родины! И ты исчезнешь скроешься в волнах забвения, но печальная, одинокая.

Напрасен совет реке и сердцу! Река бежит, девица любит: исчезла Вилия в милом Немне своем; девица плачет в пустынной башне.

Это не единственный прозаический перевод (подстрочник) Мицкевича, опубликованный в данный период на русском языке. Подстрочники к Мицкевичу публиковали Николай Полевой («Московский Телеграф», 1826, ч. 10 № 16, с. 269), Михаил Бестужев-Рюмин («Сириус», кн. 1, СПб., 1826, с. 171—184), Петр Вяземский, переведший прозой несколько «Крымских сонетов», возможно – Фаддеем Булгарин и др.

Не является перевод Сербиновича и единственным прижизненным переводом данного фрагмента поэмы Мицкевича. Перечислим стихотворные переводы «Песни», которые были опубликованы, в основном, уже после фактической эмиграции автора «Валленрода» -- в том числе, несмотря на прямой цензурный запрет публикации его произведений в России:

«По дну золотому прекрасной Вильи...» (стихотворный перевод Юрия Познанского; Русский Зритель, 1828, № 7—8, с. 206).

«Песнь Гальбана» (стихотворный перевод Афанасия Шпигоцкого; Дамский журнал, 1831, ч. 34, № 20, май, с. 108). Полный стихотворный перевод «Конрада Валленрода», выполненный Шпигоцким, опубликован в 1832 г.

«Вилия (Песня)» (стихотворный перевод Л.К. (Льва Кавелина, в монашестве Леонида) – Иллюстрация, 1846, т. 2 № 17, 11 мая, с. 273.

«Девица» (стихотворный перевод. Льва Мея – Москвитянин, 1851, ч. 6 № 22, ноябрь, кн. 2, с. 220—221).

Таким образом, нельзя утверждать, что Сербинович счел свой прозаический фрагмент эстетически ущербным или же испугался каких-либо цензурных осложнений и потому не стал публиковать перевод «Песни». В 1828 году его служебное положение можно охарактеризовать как достаточно прочное: он два года является цензором Главного цензурного комитета и получил назначение сторонним цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета. Он цензурирует ведущее общественно-политическое издание страны – «Северную Пчелу» -- и официальную газету Царства Польского «Tygodnik Petersburski». Публикация подстрочника к вполне безобидному стихотворному фрагменту о любви никак не могла испортить ему карьеру. Кроме того, следует вспомнить, что именно Сербинович в качестве цензора «допустил произведение <«Конрада Валленрода» -- А.Ф.> в печать в версии, соответствующей первопечатной» в составе двухтомного петербургского издания стихотворений и поэм Мицкевича, вышедшего в 1829 г. [см.: 14, с. 28].

Скорее всего, его опередили. Журнал «Московский Вестник» опубликовал в том же 1828 году полный прозаический перевод «Конрада Валленрода», выполненный известным к тому времени литературным критиком и поэтом Степаном Шевыревым («Московский Вестник», 1828, ч. 8, №№ 7—10). Если принять данную версию, то перевод Сербиновича можно датировать мартом—июлем 1828 года – промежутком между публикацией отдельного издания «Валленрода» и началом публикации перевода Шевырева: вряд ли петербуржец Сербинович мог знать о нем до выхода «Московского Вестника»*.

Приведем интересующий нас фрагмент в переводе Шевырева.

Вилия, мать наших потоков, дно имеет златистое, лицо небесное; но у той прекрасной Литвинки, что приходит черпать из Вилии воду, сердце чище и ланиты прелестнее.

* Добавим: Сербинович был знаком с Мицкевичем, бывал на одних с ним литературных вечерах (что зафиксировано, например, в дневнике Миколая Малиновского). Сохранились шесть записок к Сербиновичу автора «Валленрода», однако они касаются деловых вопросов – прохождения через цензуру поэтических текстов Мицкевича. Поэтому вряд ли Сербинович уведомлял Мицкевича о намерении перевести данный фрагмент, как и Мицкевич едва ли сообщал ему заранее о желании членов кружка любомудров опубликовать в Москве перевод его поэмы.

Вилия течет в прекрасной Ковенской долине между тюльпанов и нарциссов; у ног Литвинки цвет наших юношей, прекраснее и роз, и тюльпанов.

Вилия презирает цветы долины, она ищет Немена, своего любовника; Литвинке скучно между Литвинами, она полюбила иноземного юношу.

Немен принимает ее в свои быстрые объятия, несет на скалы, в вертепы дикие, прижимает любезную к холодному лону и вместе с нею гибнет в пучинах моря.

Так равно и тебя, бедная Литвинка, удалит чужеземец от долин отеческих, и ты утонешь в волнах забвения, но грустнее, чем Вилия: ты утонешь одна.

Сердце и река, уроки вам напрасны. Дева любит, Вилия течет; Вилия исчезла в любимом Немене, дева плачет в пустынной башне [Конрад Валленрод. Историческая повесть, взятая из Летописей Литовских и Прусских. Соч. Адама Мицкевича <Пер. Степана Шевырева> // 11, с. 302—303].

Показательно, что в редакционном примечании к началу публикации перевода автор (Михаил Погодин или Степан Шевырев?) говорит: «Желая познакомить читателей с сим новым произведением Польского Поэта, мы осмелились предложить им на первый раз прозаический перевод одного, сколь можно близкий к подлиннику» [11, с. 290]. Не исключено, что редакция «Московского Вестника» знала о подготовке поэтического перевода Шпигоцкого и работала на опережение.

Не будем оценивать качество обоих переводов, хотя, на наш взгляд, перевод Шевырева можно назвать «более романтическим», а перевод Сербиновича «более сентименталистским», имея в виду предпочтительную ими лексику. Но на одно обстоятельство обратим внимание.

В оригинале Мицкевич однозначно употребляет для обозначения национальности героини «Песни» слово «Литвинка»:

*Piękna Litwinka, co jej czerpa wody,
Czystsze ma serce, śliczniejsze jagody [13, t. 2, с. 82].*

Однако переводчики передают его по-разному: Шевырев точно следует оригиналу, а Сербинович использует слово «Литовка». То же самое наблюдалось при публикации прозаического перевода «Trzech

Budrysów», возможно, выполненном Булгариным: автор прозаического перевода употребляет слово «Литовец», в то время, как Пушкин в своей балладе «Будрыс и его сыновья» ориентируется на текст Мицкевича [см.: 12]. При этом и Булгарин, и Сербинович как выходцы из бывших земель Великого Княжества Литовского хорошо знакомы со значением слова «литвин» -- житель литовских губерний, славянин, не являющийся при этом этническим поляком. Булгарин даже использует этот термин как автохарактеристику в переписке с историком Теодором Нарбутом. Скорее всего, Сербинович ориентируется не на терминологию, а на содержание песни Альбана: действие ее происходит в ковенской долине реки Вилии, а этот регион современной нам Литвы во времена Мицкевича и Сербиновича именовался Жмудью (Жемайтией). Константин Степанович таким образом уходит от вопроса о национальной принадлежности героини и о месте ее проживания (для его российских современников не было даже разницы в понятиях «поляк» и «литвин», хотя она была очевидная для самих жителей бывшей Речи Посполитой).

Приведем также самый, пожалуй, известный стихотворный перевод «Песни» Альбана, появившийся на русском языке при жизни Мицкевича. Он принадлежит Мею, не только обладавшему поэтическим талантом, но и достаточно владевшему польским языком, чтобы обходиться без подстрочников.

Вилия

У Вилии, наших потоков царицы,
Дно чисто, а волны румяней девицы;
У юной литвинки, царицы из паней,
Еще чище сердце, ланиты румяней.

Вилия по милым ковенским полянам
Струится в нарциссах, бежит по тюльпанам;
В ногах у литвинки весь цвет молодежи,
Красивей тюльпанов, нарциссов пригоже.

Вилии нелюбы цветочки долины:
Не их она, Немана ищет родного;
Литвинке нелюбы и скучны литвины:
Не их она, молодца любит чужого.

Поднявши Вилию к себе на рамена,
Несется вдаль Неман на диком просторе,
И держит подругу у влажного лона,
И гибнет с ней вместе в неведомом море.

Как Неман Вилию, тебя, о литвинка,
Похитил пришлец из родного селенья,
И ты, моя бедная, ты, сиротинка,
Погибнешь тоскливо в пучине забвенья.

Ни реку, ни сердце никто не догонит –
Вилия струится, а девица любит:
Вилия в возлюбленном Немане тонет,
А девица в келье дни юные губит... [6, с. 244—245]

II. «... звездам числа нет»

В стихотворении Максимилиана Волошина «Я – Вечный Жид» (1902, опубликовано 1903) последняя строфа звучит следующим образом:

И мир как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод... [5, с. 389]

Это не единственное волошинское стихотворение, в котором появляется образ путника, странствующего среди звезд. Несколько ранее, например, в 1901 г., поэт делает следующий набросок:

Жизнь – бесконечное познание...
Возьми свой посох и иди! –
И я иду... и впереди
Пустыня... ночь... и звезд мерцанье [5, с. 385].

Однако ночной путь между звездами в небе и звездами в воде как хронотоп странствия встречается у Волошина единожды. Комментарий стихотворения, Владимир Купченко, не отмечает возможные источники образа, а лишь поясняет, кто такой Вечный Жид – пер-

сонаж, заявлений в первой строке волошинской миниатюры: «Вечный Жид – Агасфер, персонаж христианской легенды позднего Средневековья, обреченный из века в век безостановочно скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа, которого он оскорбил во время крестного пути и который один может снять с него проклятие» [5, с. 697]. На наш взгляд, можно и нужно сделать еще некоторые пояснения.

Очевидно, что герой стихотворения идет по ночной глади воды (моря либо озера): под ним «трепещет звездный небосвод». Но ни в одной интерпретации легенды об Агасфере не говорится о том, что Вечный Жид обладал подобной способностью.

Зато в Евангелии содержится описание хождения по воде Христа. Во всяком случае, в Евангелиях от Матфея (Матф., 14, 25-33), от Марка (Марк, 6, 47-51) и от Иоанна (И., 6, 19-21) (аналогичный фрагмент отсутствует лишь в Евангелии от Луки). При этом во всех трех случаях речь идет именно о ночном времени.

Кроме того, задолго до Волошина бесконечность Вселенной, в которой звездное небо опрокинуто в свое отражение в воде, описал другой гениальный поэт. Мы имеем в виду Адама Мицкевича и его балладу «Свитязь». Исследователи творчества Волошина могли не обратить внимание на это, поскольку в стихотворном переводе на русский язык Павла Карабана, размещенном в советском собрании сочинении Мицкевича, эти строки интерпретированы не вполне точно и звучат следующим образом:

А если поедешь ночью порою, –
Увидишь в недвижимых водах
Луну под собою, луну над собою
И звезды на двух небосводах [8, с. 260].

Дословно же в шедевре великого польского поэта четверостишие гораздо ближе к волошинскому образу:

Jeżeli nocną przybliżysz się dołą
I zwrócisz ku wodom lice,
Gwiazdy nad tobą i gwiazdy pod tobą,
I dwa obaczysz księżycy [13, t. 1, s. 108].

В нашем подстрочном прозаическом переводе оно звучит так:

Если ты приблизишься ночной порой
И обратишь к водам лицо,
Звезды над тобой, звезды под тобой
Увидишь и два месяца.

В переводе Карабана над головой и у ног путника сияют две луны. У Мицкевича же речь идет именно о звездных пространствах – в точности, как и у Волошина.

Известно, что Волошин не переводил с польского языка. В его поэтических сочинениях нет отсылок к произведениям Мицкевича. А если и можно предположить, что он все-таки знал тексты великого польского поэта, то, в первую очередь, его «Крымские сонеты», а не цикл «Баллады и романсы», в котором размещена и баллада «Свитязь»: «географически» «Крымские сонеты» Мицкевича, несомненно, ближе жителю Киммерии Волошину, чем озеро на белорусской Новогрудчине. Кроме того, Волошин, несомненно, был знаком с поэмой Мицкевича «Дзяды», указание на которую содержится в его статье «Памятник Толстому» [4, с. 533—534].

Вместе с тем, в девятнадцатом веке был опубликован лишь один перевод «Свитязи», с которым Волошин предположительно мог быть знаком – перевод Дмитрия Дмитриевича Минаева – Владимира Бенедиктова. В переводе Минаева – Бенедиктова интересующий нас фрагмент звучит следующим образом:

И если ночной подъезжаешь порой
Лицом к этим водным алмазам –
Хор звезд над тобой, и хор звезд под тобой,
И светят два месяца разом [9, с. 8].

Это значительно ближе к оригиналу Мицкевича, чем перевод Карабана.

Таким образом, по нашему мнению, Волошин предположительно мог быть знаком с балладой Мицкевича «Свитязь» в переводе на русский язык и использовать образ из нее в своем стихотворении «Я – Вечный жид», что и следует указывать при комментировании дан-

ного произведения. Что же касается указания на евангельские ре-
минисценции, то, как нам представляется, на них следует указывать
как на бесспорный факт*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955: Библиографические материалы. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957. — 600 с.
2. Аронсон М. «Конрад Валленрод» и «Полтава» (К вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х—30-х годов) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. — Т. 2. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — С. 43—56.
3. Виноходов Д.О. Штрихи к биографии Яна Барщевского: Архив К.С. Сербиновича // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. — Вып. 6. — Мінск: Лімарыус, 2015. — С. 17—37.
4. Волошин М.А. Лики творчества. — Л.: Наука, 1988. — 848 с.
5. Волошин М.А. Собрание сочинений. — Т. 2. — М., 2004: Эллис Лак. — 608 с.
6. Мей Л.А. Избранные произведения. — М.—Л.: Советский писатель, 1962. — 484 с.
7. Мицкевич в русской литературе: Писатели о писателях. — М.: Рудомино, 1998. — 143 с.
8. Мицкевич А. Собрание сочинений. В 5 т. — Т. 1. — М.: Гослитиздат, 1948. — 528 с.
9. Мицкевич А. Сочинения. — Т. 1. — СПб.: М.О. Вольф, 1882. — 348 с.
10. Московский Вестник. — 1828. — Ч. 8. — 466 с.
11. Московский Телеграф. — 1828. — Ч. 19. — 600 с.
12. Федута А.И. Три «Будрыса»: авторский текст – подстрочник – поэтический перевод // *Respectus Philologicus* (Вильнюс). — 2004, № 5 (10). — С. 112 – 120.
13. Mickiewicz A. Dzieła. — Т. 1, 2. — Warszawa: Polski instytut wydawniczy, 1955.
14. Rowicka M. Wydawnicze i cenzuralne losy twórczości Adama Mickiewicza w okresie zaborów. — Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2014. — 437 s.

* Пользуясь случаем, выражаем благодарность Михаилу Скобле (Минск), Надежде Морозовой (Вильнюс) и Владасу Просцевичусу (Донецк) за содействие в работе над данным сюжетом.